

О стиле организмов (к новой постановке старой проблемы)¹

С. В. Чебанов,

доктор филологических наук, Балтийский государственный технический университет

*Светлой памяти Е. А. Равдель, дочери А. А. Любищева
и хранительнице его архива*

На общем фоне гуманитаризации знания (см. об этом, например Шрейдер, 1978) ныне вновь выходит из полузабытья фундаментальная для некоторых направлений человеческой мысли идея о том, что эстетические аспекты принадлежат к важнейшим сторонам организации мира² и на них может быть основан самостоятельный класс критериев истинности. Последние порою необоснованно объединяют с критериями красоты теории и относят к неэмпирическим критериям истинности (Мамчур, 1975).

С другой стороны, привлечение эстетических критериев для объяснения природных, в частности биологических явлений, важно в качестве альтернативного варианта обсуждения таких, не получающих разрешения проблем, как массовое вымирание или одновременное появление (например скелетных организмов на пороге кембрия) таксонов, нейтральная эволюция, «моды» на мутации и т. д.

Подобные аргументы вызывают определенные возражения в связи с тем, что введение эстетических критериев может трактоваться как умножение сущностей сверх необходимости, и надо либо отказываться от использования «бритвы Оккама», либо вставить

на путь сознательного риска бесплодного усложнения теории.

На такой риск решился А. А. Любищев, утверждая, что эстетическая природа организма является самостоятельной движущей силой эволюции и может рассматриваться наряду с адаптивностью³. В связи с этим была выдвинута задача построения особой дисциплины — биоэстетики, одним из важнейших понятий которой является категория стиля.

Категория стиля в биоэстетике А. А. Любищева

Проблема стиля (в частности стиля организмов) волновала А. А. Любищева с начала 1920-х годов до конца его жизни, но законченной работы по этому вопросу он не оставил, хотя упоминания о стиле присутствуют во многих работах (например, Любищев, 1977). В связи с этим целесообразно привести некоторые соображения А. А. Любищева о стиле, чтобы уяснить, что следует под этим понимать.

А. А. Любищев считал, что представление о стиле — «одно из средств нащупывания путей по созданию истинной⁴ морфологии, т. е. дисциплины, не являющейся как... псевдоморфология, данницей физиологии». Стилевая дифференциация, возникающая в силу эстетических закономерностей, может служить, по его мнению, объяснением предварительной приспособляемости (преадаптации) не только в природе (ср. Эйфелеву башню и ее использование в телевидении), а некоторые особенности строения организмов становятся понятны с точки зрения единства стиля.

В качестве примеров стиля А. А. Любищев приводит самые разнообразные случаи сходства организмов. Так, стиль усматривается в сходстве антенн и антеннул у ракообразных, в единстве организации трахей разных групп паукообразных, которые почти всегда отличаются от трахей насекомых. Но особенно много случаев, когда разумно говорить о стиле, А. А. Любищев усматривает в закономерностях

¹ Материалы для обсуждения данной темы были подготовлены совместно с М. С. Игнатовым к объединенной рабочей встрече «Биология и лингвистика» (Тарту, 1978) (См.: А. А. Захваткин. III зимняя школа по теоретической биологии. // Биологические науки. 1978. №9), труды которой, однако, не вышли в свет и только сейчас готовятся к изданию в Тарту. В том же году был сделан доклад на эту тему на чтениях, посвященных памяти А. А. Любищева (Москва, МОИП) и тогда же написан первый вариант данной статьи, но отражена она была только в обзоре (Шорников, 1984). Впоследствии представления авторов о данном предмете видоизменялись и стали значительно различаться. Поэтому настоящий вариант отражает точку зрения только одного автора. Тем не менее, обсуждения, примеры и замечания М. С. Игнатова были существенны при написании данной работы и нашли отражение в ее тексте. В последние годы проблемы биостилистики разрабатываются Г. Ю. Любарским, подход которого несколько отличается от предлагаемого (см. например, Любарский, 1992). Полученные им результаты обобщены в его книге (Любарский, 1996).

© С. В. Чебанов, 2004: Прикладная и структурная лингвистика. Вып. 6. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 38–71.

² Ср. место прекрасного в пифагореизме, платонизме (Лосев, 1963, 1969, 1974, 1975, 1980, 1988) и у их средневековых наследников. О роли категории прекрасного в формировании представления о космосе см. Аверинцев, 1977. С. 84–108.

Ср. также: Любищев, 1977.

³ Подробнее этот вопрос рассмотрен в докладе Ю. В. Линника (Шорников, 1984).

⁴ А. А. Любищев в зависимости от подхода к изучению формы выделял три морфологии: физиологическую (форма здесь рассматривается с точки зрения функции), телеологическую (форма с точки зрения своего назначения, приспособления) и идеалистическую, или истинную (форма рассматривается как таковая, как то, что обладает своими собственными законами, невыводимыми из законов приспособленности и т. п.).

окраски. Как стилевое единство, трактуются и явления миметизма и псевдомиметизма, безотносительно к их селективной значимости. **Отклоняя мнение о неразумности применения категории стиля к организмам в связи с тем, что число ярких примеров невелико, А. А. Любищев указывает, что «...всякое новое явление обычно кажется имеющим малое значение (например электричество, игравшего сначала роль какого-то курьеза, а со временем ставшего всеобъемлющей субстанцией)».**

Стиль в понимании А. А. Любищева охватывает чуть ли не все повторяющиеся черты в организации живого, и о стиле речь идет всякий раз, когда имеет место повторение общих черт в разнородных частях некоторого целого (единый принцип окраски разных участков тела, сходство признаков организмов одного региона и т. д.).

Так же широко трактовал стиль и А. Н. Семенов, считая, что «...характерные черты в каждой фауне... заключающиеся в повторении известных морфологических особенностей... можно назвать стилем в природе» (Семенов, 1900, с. 630).

Таким образом, под стилем понимаются очень разные явления, причем некоторые из них сейчас находятся в центре внимания биологов. Так, сходство соловьев и насекомых рассматривается как проявление параллелизма, общие черты строения разных частей ковыля можно связать с особенностями деятельности меристем и т. д.

Есть ли стиль в живой природе?

Структура биологических объектов и их функции являются выражением смысла, сущности живого. При этом можно говорить как о живом в целом (как таксоне наивысшего ранга), так и о каком-то определенном таксоне организмов.

Порою у организмов трудно разделить смысл и выражение, что бывает и в искусстве (например, смысл узора — образное выражение человеческих эмоций). Поэтому в таких случаях о стиле можно говорить как о наличии визуально воспринимаемого единства черт организации.

Подобное различие подразумевает выполнение двух условий:

- 1) знания истории возникновения данной вещи и
- 2) наличия особенностей строения вещи, которые бы указывали на их рукотворность, поскольку только они позволяют выяснить, сделана ли данная вещь человеком или природой. Обращаясь к организмам, приходится иметь дело со сложностями выяснения выполнения обоих условий.

С одной стороны, эстетически маркированными могут быть как одичавшие, так и первично-дикие формы организмов. Так, например, в сайкей (японском искусстве миниатюрных садов — Kawamoto, 1967) специально выращивают низкие и очень старые деревья причудливой формы. Нечто похожее было найдено В. Н. Сукачевым (Сукачев, 1912) у верхней границы леса в горах. Подобный параллелизм связан с законом гомологических рядов Н. И. Вавилова и с представлениями о существовании реф-

ренов⁵. Поэтому как антропогенные, так и природные формы организмов могут производить одинаковый эстетический эффект, а выяснение различия их происхождения производится сложными аналитическими методами. К тому же с какого-то момента одичания само различие одичавших и диких форм оказывается условным.

Другая сложность связана с различием форм, которые реализуются на мертвой и живой материи. Антропогенные формы, реализуемые на мертвом веществе, могут иметь геометрию и структуру, сильно отличающуюся от природных (искусственная огранка кристаллов может сильно отличаться от естественной, твердым веществам может быть придана форма, не свойственная им в природе, — ср. любые детали машин). Редкие же случаи схождения природных косных (абиогенных) образований с биогенными и антропогенными воспринимаются как нечто исключительное (чаще всего это форма скал, гор).

Антропогенные же формы живого принципиально такие же, как и природные, а отличия касаются лишь необычного комбинирования природных черт либо слишком большой частоты некоторых из них. Во всех этих случаях изменчивость элементов формы остается в пределах того рефрена, которым реализуется данный элемент в природе, но меняется частота встречаемости его членов. Поэтому у организмов часто нельзя различить естественные и искусственные, созданные человеком формы, что относится в особенности к цветоводству, садоводству, голубеводству, собаководству.

Прежде всего, разнообразие организмов определяется невынужденными процессами. На это сторонники чисто гуманитарного понимания стиля возражают, что невынужденность эта кажущаяся, а то, что внешнему наблюдателю представляется случайным, обязательно делается закономерным по мере изучения данного явления. В связи с этим уместно вспомнить представление о случайности онтологической, в основе которой лежит свободный генератор случая (Налимов, 1974, 1978). Другой аспект случайности связан с пониманием ее как меры сложности. Но тогда становится опять неясно, почему в отношении биологических объектов применяются термины «сложность», «неоднозначность», «стохастичность», «неопределенность»⁶, а при анализе выбора стиля человеком их оказывается недостаточно, и речь идет о свободе.

Можно привести много примеров, свидетельствующих о том, что какая-то свобода выбора есть и у биологических объектов, и вместе с тем, являющихся свидетельством того, что свобода человека не так

⁵ О рефрене (повторяющемся полиморфическом множестве) см.: Мейен, 1977; Чебанов, 1984, 1989, Meyen, 1973.

⁶ Выявление соотношения свободы и случайности с учетом алгоритмической теории вероятности становится весьма принципиальным, когда ставится вопрос об измерении стилистических характеристик, поскольку при этом возникает весь круг проблем обработки измерений (Мартыненко, 1988). Сказанное существенно и в связи с тем, что А. А. Любищев считал себя пробабилистом, и подобный подход вполне созвучен его установкам.

уж велика. При этом примечательно одно обстоятельство. **Когда речь идет о наиболее совершенных художественных произведениях, то отмечается, что в них уже почти ничего нельзя изменить, что в них нет произвола, в том числе и произвола выбора стиля.**

Таким образом, принимается, что в идеале стиль детерминирован сутью произведения. Свобода же относится к творчеству человека, который свободен в том отношении, что может выбрать подходящий или неподходящий стиль. **В то же время ни о каком выборе стиля не может быть и речи в отношении конкретной вещи — она не может быть сделана несколько раз по-разному.** Итак, свобода выбора — характеристика не самого стиля, а процесса надления им произведения. Это обстоятельство принципиально в двух отношениях.

Во-первых, оказывается, что для квалификации некоторого явления как стиля важно не столько наличие человека-творца и свобода выбора, сколько определенный психический механизм формирования стилевой определенности вещи. Тем самым центр тяжести выяснения природы стиля переносится с самого стиля на процесс его формирования и возможность квалификации некоторого явления как стиля ставится в зависимость от принятия такой его генетической дефиниции.

В итоге можно утверждать, что вопрос о наличии стиля у организмов в большой мере связан с исходными установками исследователя, а его решение предполагает, с одной стороны, проведение сложных и не всегда удовлетворительно осуществимых исторических реконструкций и использования, с другой стороны, достаточно поверхностного рассмотрения феноменов процессов.

В связи с этим представляется целесообразным определить стиль логически (а не исторически), дав ему чисто морфологическую трактовку. Последнее позволит сопоставить категорию стиля в эстетике и стиль организмов в понимании А. А. Любищева.

Сказанное справедливо и по отношению к рассматриваемым нетрадиционным объектам стилистического анализа. Так, например, мхи и цветковые растения обладают несомненными стилистическими различиями. Однако различить их можно и на основании существенных архетипических признаков. Когда же речь идет об определении видов, обращение к анализу архетипических признаков вызывает большие затруднения. Порою же определение легче провести на основе едва уловимых, трудно описываемых, но явно различимых опытным специалистом черт, которые воспринимаются как нечто целое, т. е. на основании стиля.

Из сказанного ясно, что, когда речь идет о распознавании стилей, приходится обращаться к экспертным оценкам (Полани, 1985), а стилистический анализ оказывается в большей мере основанным на экспертизе, что, однако не исключает использования и точных методов⁷.

Сказанное справедливо не только по отношению к организмам, но, скажем, и в отношении минералов. Так, А. Е. Ферсман говорит: **«Приобретает огромное значение учет ряда мельчайших примесей, деталей строения и формы и особенно весь тот комплекс морфологических особенностей, которые в последние годы господства теории над точными фактами недостаточно наблюдались, неполно описывались и даже совершенно не учитывались»** (цит. по: Шафрановский, 1968, с. 9). На основании таких мелких, трудно-передаваемых особенностей сам А. Е. Ферсман проводил удивительно точные идентификации. Очевидно, что в этом случае речь идет, если не о стиле минеральных индивидов, то о чем-то, очень близком.

Таким образом, можно утверждать, что наибольшей эвристической ценностью категория стиля обладает в тех случаях, когда речь идет о проведении нетривиальных стилистических отождествлений и различений, которые доступны лишь специалистам высшего класса (экспертам).

Многообразие стилей организмов

А. А. Любищев в качестве примеров географических стилей приводил следующие:

1. Окраска бабочек на Цейлоне. Значительная часть бабочек имеет синюю окраску, которая обусловлена как наличием пигмента, так и интерференцией света на непигментированных чешуйках.
2. Живородящие виды скатов Trigon и Pleuroplatea, которые водятся в Индийском океане. Ворсинки плаценты у них прорастают в пищевод и желудок зародыша. Виды же этих родов, живущие в других местах, лишены этого признака.

Мнение А. А. Любищева о возникновении «духа местности» как выявления у разных организмов сходной части спектра потенциального полиморфизма, пользуясь представлением С. В. Мейена о рефрене, можно сформулировать так, что **стиль будет выступать как одно и то же сочетание членов нескольких рефренов несущественных признаков у некоторой совокупности организмов.** Соотношение географического и экологического стиля можно видеть на ви-каррирующих видах, когда первый изменяется, а второй сохраняется⁸.

Видимо, здесь можно обнаружить очень много хороших примеров стиля. Л. С. Берг посвятил в своем «Номогенезе» этому вопросу специальную главу — «Географический ландшафт как образователь органических форм» (Берг, 1977, с. 238–256). Географией тонов занимался В. П. Семенов-Тянь-Шанский (Семенов-Тянь-Шанский, 1921), причем отмечал, что известные тона присущи не только географическому пейзажу, но и людям: так, нет на Земле места, где были бы более распространены светлые блондины, чем на побережье Балтийского моря, где этим свойством обладают как местные финские, так и

⁷ См., например, С. Д. Бешелев, Ф. Г. Гуревич. Математико-статистические методы экспертных оценок. М., 1980; ср.: Семиотика и искусствоведение. М., 1972.

⁸ Географический и экологические стили, пожалуй, чаще всего привлекают внимание биологов. Практически каждая местность дает исследователю материал для размышления об этом предмете.

БИРЖА ТЕХНОЛОГИЙ И КОНТАКТОВ

славянские, германские и литовские племена, в то время как всюду в мире преобладает темная окраска волос (ср.: Полян, 1978)⁹.

⁹ Подобная постановка вопроса актуальна в связи с разработкой рекреационных программ. Типология эстетических ресурсов ландшафтов актуальна для удовлетворения потребностей разных групп туристов (ср.: В. Л. Каганский, Б. Б. Родоман. Ландшафт и культура // Наука о культуре. Итоги и перспективы. М., 1995. Вып. 3). Частным вопросом является организация путешествий для людей с физическими недостатками (слепых, глухих и т. п.). Для этого надо подбирать ландшафты, обладающие стилистическими особенностями, которые могут быть восприняты соответствующей категорией путешественников (цветовые, звуковые и т. п. стили).

Исторический стиль характеризует этапы жизни на Земле, каждый из которых обладает своим стилем (эпоха папоротников и рептилий; покрытосеменных и млекопитающих). В облике организма может чувствоваться его эволюционный возраст (он бросается в глаза у аралии, латимерии, гаттерии).

Последнее обстоятельство существенно для биостратиграфии. При этом показательно, например, расчленение докембрия по акритархам. В этом случае специалисты хотя и устанавливают возраст отложений, но они не могут артикулированно передать особенности материала, дающие возможность сделать такие заключения.

Статья печатается в сокращении. Полный текст и список литературы будут размещены в электронной версии журнала.